

Игра в бисер без свойств или Что делать 3.0

Елена Галкина

Из Глупова в Умнов

дорога лежит через Буянов,

а не через манную кашу.

М.Е. Салтыков-Щедрин

Парадоксально и закономерно: «новые левые интеллектуалы» являются по сути самой европеизированной частью современной российской интеллигенции. Никто так органично не сможет вписаться в западные дискурсы, как наши новые левые. Впрочем, речь в моей заметке пойдёт не о причинах этого явления, а о последствиях.

Хорошо известные в узких кругах фильмы «Троцкий» (Канада, 2009) и «Товарищ Педерсен» (Норвегия, 2006) с разных сторон, но одинаково точно демонстрируют арсенал евроатлантического левого активизма, реализующего себя в игровой форме. Неслучайно, что наибольшего успеха подобная деятельность достигает в школьных классах, а потом с разными темпами деградирует до уровня хобби успешных представителей upper middle и middle middle class. А те немногочисленные кидалты, которые слишком серьёзно воспринимали юношескую мечту, гибнут, не найдя себе места во взрослом мире.

Марксизм – игрушка для богатых, национализм – пристанище плебса. Эти образы естественны для интеллектуального пространства «ядра» глобальной капиталистической системы, да и то экономический кризис уже заметно подтачивает эту недолговечную, хрупкую идиллическую конструкцию. Но в благополучном «первом мире» это всё же абстракция, скрывающая за собой многообразие, а вот в Российской Федерации данные идеи предстают в самом, так сказать, сферически-вакуумном виде, не замутнённом попытками саморефлексии.

В этом плане очень показательны проблемы, поднятые в статьях Кирилла Мартынова «Стокгольмский синдром левого движения», Петра Сафронова и Ирины Юрьевой «Левый активизм как демобилизация», а также способы их решения, предложенные авторами.

Верен ли уже давно имеющий статус *common place* тезис, что российский социум не хочет брать на себя ответственность, политически инфантилен, потому как взывает к государству, а недостатки современного левого движения в России суть концентрированное выражение этих родовых пятен?

Проблемы инфантильности наше-

го общества, запущенного патернализма действительно существуют, но это наследие советского прошлого, которое российская верхушка при всём желании не сможет долго эксплуатировать, одновременно проводя масштабную приватизацию государственных активов и снимая с государства социальные обязательства – систематично и одно за другим. Поскольку общественное бытие всё ещё определяет общественное сознание, поддерживать патерналистские мифы становится всё труднее.

Возьмём в качестве примера то же Пикалёво. Какие у жителей моногорода были варианты действий кроме обращения к власти, которая, если верить конституции РФ, исключительно по воле избравшего её народа обладает монополией на легитимное применение насилия, на принуждение? Апелляция к правительству в подобных случаях абсолютно нормальна, тем более что жители города прошли все уровни: требования предъявлялись сначала и на заводе, и городской администрации, митинг проводился в областном центре. Но федеральная власть отреагировала, только когда в городе началось именно восстание – была захвачена мэрия, открыто движение по федеральной трассе. Таким образом, фактически пикалёвцы делигитимировали местную власть перед лицом верховной и тем самым добились локального успеха: задолженности по зарплате были выплачены, предприятия возобновили работу.

Поведение участников акций про-

теста в Пикалёво никак нельзя называть инфантильным, напротив, эта история, прогремевшая на всю страну, — одно из свидетельств взросления российского общества, постепенного, но объективно неизбежного выхода его из пещеры анахроничных представлений о власти. И число подобных примеров кооперации на низовом уровне, совместного действия граждан в отстаивании интересов перед лицом власти с каждым годом растёт. Если ещё 5-7 лет назад инициативная группа противников точечной застройки неделями бы уговаривала жителей собственного дома поставить подпись (а перед этим впустить их в подъезд или квартиру), теперь тысячи подписей собираются за несколько часов. Во многих городах именно «снизу» появляются различные виды социальных организаций, основная цель которых, в сущности, одна – борьба с вредоносными, попирающими права общества инициативами властей, будь то закрытие «малокомплектных» школ, снос памятников архитектуры или ликвидация гаражей. Особенно хорошо слышен был голос Петербурга, и неожиданное перемещение в столицу ненавистной социально активным питерцам В.И. Матвиенко, несомненно, прибавит этим организациям уверенности в себе – ведь её отставку почти официально связывают с низким рейтингом и протестной деятельностью местной оппозиции.

Именно события в Петербурге ярко демонстрируют проблемы левого движения, главная из которых – вовсе не наивные ожидания

манны небесной от государства. Среди разрозненных пузырьковых объединений самыми заметными стали либералы. И дело не только в том, что либерализм популярен в среде петербургской академической интеллигенции. Если разобратся в мировоззрении большинства этих «либералов», довольно быстро выясняется, что на поверку – это коктейль из застарелого антикоммунизма и либертарианства, преимущественно левого. Правда, сами носители этих идеалов будут долго спорить с таким определением – у них идиосинкразия на слово «социализм»... И дело не только в относительной сплочённости позднесоветских «либералов», оставшейся со времён торжественного поднятия над Смольным триколора. «Либералы» никогда не забывают упомянуть о своей политической ориентации, они гордятся ею, своей идентификацией, воспоминаниями, рефлексировать свою борьбу в соответствующей лексике. Вне-системные левые активисты этого почему-то не делают. Напротив, они стараются не навязывать свои идеи соратникам по защите школ, гаражей и старинных зданий. Чувствуется какая-то удивительная робость, боязнь заявить внешнему миру о себе как носителе определённой идеологии, а значит, и обязательств перед обществом.

Эти чувства, видимо, являются фундаментом и таких *новаторских* идей, как «демобилизация» активизма до уровня одновременного выхода клерков одного офиса в туалет. Авторам таких предложений, видимо, в силу их творческо-

интеллигентского бытия неведомо, что подобные протесты имеют место нередко, равно как и резиновые забастовки, и более жёсткие формы саботажа, и ультиматумы руководству с угрозой коллективного увольнения, и исполнение данных угроз. Это естественные формы стихийного протеста. Задача левого интеллектуала состоит не в том, чтобы предлагать давно известные способы общения с работодателем, а в формировании социалистического сознания в протестной среде. Нужно понимать, что просто так, *от грязи и сырости*, оно не зародится. Большинство людей, потенциально готовых к социальной борьбе, живут в глубоком убеждении, что цель левых – «*отнять и поделить*», отобрать у гражданина квартиру и машину (ибо так понимают люди словосочетание «частная собственность») и запретить выезд в Анталью.

Любая теория формируется интеллигенцией, а потом «спускается вниз». В последние пару десятилетий мы можем наблюдать, даже пошагово проследить, успешное распространение «сверху вниз», от интеллигенции в городские низы, шовинистических и ксенофобских идей. Механизмы их распространения – отдельная проблема, здесь достаточно сказать, что в настоящий момент они имеют явный гандикап в силу, во-первых, последовательной, в течение многих лет, канализации протестных настроений экономически неблагополучной молодёжи именно в это русло; во-вторых, в связи с тем, что никто не предлагает внятных альтернатив.

Очевидно, что нужна целостная, продуманная программа борьбы, созданная непосредственно для современной России с учётом тех изменений в структуре общества и политической системе, которые произошли за последние 20 лет.

Но для этого надо работать и верить в истинность своих убеждений. Нельзя утром на работе заниматься идеологическим оправданием демонтажа уникальной системы массового качественного образования¹, а вечером в уютном блоге по-

1 Таковым, в частности, является апология ЕГЭ как системы, благодаря которой элитное высшее образование стало якобы доступно рядовым школьникам из провинциальных городов. Нетрудно догадаться, что доступность *рядовых* столичных вузов и *рядовых* же факультетов элитных учебных заведений повысилась в связи с глубочайшей демографической ямой, вызванной падением рождаемости в 1990-е гг. Государство не могло пойти на резкое сокращение мест в вузах, ибо это автоматически влекло за собой одновременное массовое увольнение преподавателей — людей с достаточно высоким статусом и обширными личными связями с социальной верхушкой, что особенно ярко проявляется в регионах. Поэтому сокращение происходит мягко, поэтапно, а рядовые вузы на время действительно стали более доступны. Что касается по-настоящему элитарных учебных заведений и факультетов, а их перечень не изменился с советских времён, то все они успешно отгорожены от напора юного плебса глубоким рвом системы олимпиад и надёжными стенами дополнительного экзамена. Кроме того, гарантирует ли счастливое поступление в московский вуз по результатам ЕГЭ возможность качественного образования для провинциала? Естественно, нет, поскольку государственные стипендии не дают возможности даже физического выживания, и студент, не имеющий связей в Москве, вынужден идти

позиционировать себя как левого философа и пытаться совместить эти *взаимоисключающие параграфы*.

У многих есть хобби, банальное или оригинальное — уже не суть. Один собирает марки, другой на мечах бьётся, собственноручно выкованных, третий играет в «левое движение» в офисных курилках и социальных сетях. Польза для государства (как частной собственности бюрократии) очевидна: люди не пьют запойно, старушек не грабят, в общем, ведут социально-здоровый образ жизни, не противоречащий конституционному строю. Может, так и надо?

Обсуждая социально-политическую активность, для начала желательно определить, в чём цель предлагаемого активизма? Гуманистично сделать людей лучше и добрее? Научить народные массы (офисный планктон) бороться за свои права? Или примирить их с действительностью, виртуозно жонглируя терминами в доказательстве на низкооплачиваемую, тяжёлую и нередко ночную работу. Эту проблему Минобрнауки решать не собирается, а напротив, считает такое положение дел нормальным, ибо в последней редакции проекта закона «Об образовании в РФ» гарантируется стипендия в размере 1/3 минимальной оплаты труда (п.5 ст.36). Саму же идею ЕГЭ нельзя рассматривать в отрыве от содержания данного экзамена, в особенности по гуманитарным предметам. Критика всегда шла именно в отношении содержательной части, проблема которой в том, что её нельзя улучшить — её необходимо менять радикально, заимствуя, к примеру, опыт британского A-level, по формату и содержанию гораздо больше сходного с советскими вступительными экзаменами, чем с примитивным ЕГЭ, формирующим мозаичное сознание.

неизбежности 60-часовой рабочей недели и необходимости платного образования для модернизации страны?

Свобода как беспечность, бонвиванство как мечта – таков план бегства из зинданов отчуждения личности, предлагаемый западной масс-культурой. В рамках этой парадигмы мыслят и те, кто предлагает формулу «активизм как демобилизация».

Что это за левые, которые стесняются говорить о необходимости национализации крупной промышленности в России, боятся произнести слово «революция»? И это в то время, когда в обществе практически не осталось иллюзий в отношении правящей верхушки, и люди готовы поддержать любую заявку на протест и борьбу, но не манную кашу митингов по частным вопросам, а борьбу радикальную, за смену системы в целом. Потому что люди, глаза которых не засланы пеленой иллюзорного офисного благополучия от \$1500 на члена семьи², из собственного опыта знают, что о каких-либо уступках обществу российскую власть просить бесполезно.

На данный момент, при беспрецедентных за последние годы латентных протестных настроениях общества, левые проиграли инициативу на всех значимых фронтах политической борьбы интеллектуального класса за социально-активную городскую молодёжь. Победит тот, кто ясно и громко поставит своей целью

2 Средняя зарплата по Москве на 2011 г.

радикальное изменение социально-политической системы и предъявит конкретную программу того, что собирается делать *после* того, как нынешняя власть, подточенная кризисом, сменится чем-то новым, далеко не обязательно лучшим.